

18+

Владимир Липилин

ПРИВЕТ ГРАЧАМ
И ЛУЖАМ

сборник рассказов

Владимир Липилин
Привет грачам и лужам.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74401494>

ISBN 9785007111720

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Смешные истории о животных и людях, которые в тысячный раз напоминают друг другу, что они живые, дышащие, трепетные, любящие

Содержание

Дуся и снег	5
Ветки яблонь на фоне вечернего неба	15
Прямо в рай	17
След велосипедных шин. Этюд	19
Девочка и птицы	24
Пасторальная история	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Привет грачам и лужам

Сборник рассказов

Владимир
Александрович Липилин

© Владимир Александрович Липилин, 2026

ISBN 978-5-0071-1172-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дуся и снег

Иногда по ночам Бог поднимает крыши, тихонько выдёргивает из подушек пёрышки и щекочет добрых людей. Люди улыбаются и видят цветные сны. Мы с Дусей тоже не злые, но мы не любим щекотки. Просыпаемся, украдкой идём на кухню, варим чай и сосиску, сидим такие, думаем. Каждый о своём.

Дуся — наша кошка. Причём, Дуся — это не совсем нейм или, как выражаются интеллигентные люди, кликуха. Это её твердая жизненная позиция.

При всей своей козырной величавости, торжественности спины и серьёзности бровей, она бывает, как формулировали мудрые люди, простодырой.

Ну, например, Дуся всерьёз полагает, что с сусликами-сурикатами, которые в телевизоре или футболистами клуба «Анжи» можно отлично побеситься, дать, так сказать, жару.

Сусликов она подбадривает бубенцами лапами, не выпуская когтей, прячется за телевизор, после чего, с бешеным взором и дергающимся хаотично хвостом вдруг выскакивает. По задумке режиссёрши, сурикаты немедленно должны валиться в пылищу, перебирать в воздухе лапами и хохотать до опупения. Однако ничего подобного не происходит.

Футболисты тоже оказываются существами неуправляемыми и совершенно бестолковыми. Обсуждать с ними ка-

кие-либо тактико-технические действия станет только дурак. Но Дуся не такая.

И тогда она с ловкостью иллюзиониста превращается в летающего слона, начинает гонять по полу всякие там штуки. От пуговицы, что громыкает почти как канализационный люк до носков, которые тоже оказывается лязгают, как железнодорожный состав, если, переминаясь с ними через голову на письменном столе, сносить разные канделябры, жестяные коробки и коллекции подстаканников.

Утром ей достается действо, издавна обозначаемое на Руси словом «втык». Конечно, хозяйка могла бы просто взять и прибить её, скажем, моим горнолыжном ботинком, который — вот он, стоит в прихожей, бери любой, но она всего лишь называет её мелкой сволочью и бессовестной мордой. Дуся терпит и всё понимает: бешеные гены папеньки, запросто совершающего оздоровительные пробежки по потолку, не обманешь. Сидит понурая, с вселенской тоской, и с должным почтением выслушивает ряд назревших возражений. И вот, когда уже момент достигает своей кульминации, казалось бы, подожди ещё маленько и... но кошка, не меняя выражения на элегичной морде, начинает подмигивать то одним, то другим глазом. Тем самым, превращая трагедию чьего-то там недосыпа в сущий пустяк, в балаган.

Для детей она объект раздора и дикой, всё сметающей, любви.

Ей прекрасно удастся ампула «Дуся ненадолго околела».

Это когда девочки, разогнанные мною, с помощью упоминания «Гринписа» и прочих организаций в борьбе за защиту животных, всё же соглашаются с тем, что она должна спать днем, но непременно на спине, кверху лапами, поджав их, она ведь при этом такая миленькая.

Мы же с кошкой просто дружим. Нам, в сущности, делить нечего, кроме утренней ванны. Она ходит туда как раз тогда, когда и я. И считает обязательным, просто неизменным сделать лапой по стене сто сорок шесть движений (ну, да считал), когда закапывает в пластмассовый лоток свой внутренний мир. Но мы с ней вполне мирно на этот счет договариваемся.

Возможно, поэтому она вовсе не считает зазорным ходить курить со мной на балкон. Там мы дышим никотином, смотрим на звёзды и молчим.

Вот и в этот раз. Я разминаю сигаретку, открываю осторожно дверь.

А там — снег. Прекрасный, как степь наутро после лебединых свадеб. Вызывающий одновременно тоску и удаль, как роскошнейший блюз.

Для Дуси он вообще первый. В жизни её первый.

Она сидит, на подоконнике, таращит глаза, нюхает так смешно. Прозрачные узорные крупинки задерживаются на её лесках-усах. Дуся фыркает, глядит на меня ошарашенно, будто спрашивает.

— Что это?

— Снег, — тяну я.

— Ааа, — кивает она. Хотя, конечно, это так, для порядку, чтоб не продолжать разговор. Так же все ясно же. Правда, пока ни черта не понятно.

Какой-то мужик закрывает машину, среди укрытых попонами таких же, идет нарочито медленно. Вокруг ни души. Он задирает голову вверх, а потом в телефон, как будто хочет отправить всему миру смс-ку. Что—нибудь этакое, восторженное, экспрессивное, матерное.

Мы с Дусей молчим, хотя понимает и нас, хочется прыгать, валяться, и валять в этом снегу девушек. Хочется разбудить всех домашних и затаенно подвести к окну. Но. С девочками мы вчера разо... поссорились, короче. Я применил к ним старинную словесную угрозу, типа ремень, обещал отлупить. Что вызвало в их стане только ещё больше прысканья и шушуканья.

Её будить не стану тоже. Пусть поспит.

Ведь ещё осенью я подкупил (сумкой отборной моркови) в дальних лесах зайцев. Чтобы они там, как только выпадет первый, следами своими что-то такое изобразили.

Пусть сбивчивое, путаное, но о моей любви к ней, о том, что она нечеловечески мне дорога и нужна. Вот завтра купим ещё моркови и поедем читать.

Беседы с волками

Профессор кафедры системной экологии Российского университета дружбы народов Александр Александрович НИКОЛЬСКИЙ меряет шагами свой крохотный, с келью, кабинет, увешанный фотографическими пейзажами разных мест. Шагнет от двери до книжного шкафа — совершит путешествие из Средней Азии на Алтай, где ветерок треплет цветущую поляну в рамке размером 15 на 20. От шкафа к окну прошествует — окажется на сопредельной с Индией территории Непала на фоне уходящей в космос горы Эверест.

Почти так же, из зимы в вечное лето, из субтропиков в стылую мерзлоту, он странствует до сих пор, с поправкой, естественно, на масштаб. Пятьдесят лет Никольский занимается исключительно фантастической темой — звуковыми сигналами млекопитающих в эволюционном процессе. У Никольского непоправимо хорошие глаза, какие бывают у человека, видевшего много простора и неба. Чуть сутуловатая осанка — результат перенесенных в заплечном рюкзаке тонн акустической аппаратуры, блокнотов, сухпайков и прочих вещей, необходимых в пеших походах.

— Александр Александрович, по-дурацки, конечно, упрощать научные исследования и переносить их на обывательский уровень. Но те звуки, что издают животные, звери, их можно называть разговором друг с другом?

— Это, конечно, не совсем язык и совсем не речь, которой из четырех с половиной тысяч видов млекопитающих обладает только человек. Но тем не менее эти закодированные

звуки, биоакустические сообщения тоже несут в себе пусть и простейшую, но коммуникативную функцию. В них многое для ученых еще не расшифровано, не определено. И это страшно интересно. У каждого вида животных есть система поведенческих реакций, которые, скажем так, иллюстрируются определенным набором звуков. Если объяснять, что называется на пальцах, то давайте возьмем кошку. Вернее, ее мурлыканье. Этот звук невозможно извлечь из нее, даже если дать порядочный ломоть докторской колбасы. Только если кошке комфортно, уютно, она станет мурлыкать.

Никольский, конечно, специализируется не только на кошках. Предметом его исследований являются сурки, лисы, олени и в особенности волки. Перед ними он исполнен благоговения.

— У волков потрясающее ощущение собственного достоинства, и они обладают невероятной жадой жизни. Записывать их в полевых условиях задача довольно трудная. Нужно досконально знать их характер, повадки, и все равно, бывает, скрадешь расстояние, подойдешь с подветренной стороны, вон там, в долине, точно должна быть на лежке стая, но никого нет. По каким-то только ей ведомым ощущениям стая уходит.

— Совсем без звуков?

— Не всегда нужно голосить, иногда можно тихо-тихо что-то «сказать» и все услышат. «Общение» волков чрезвычайно многообразно. При этом в их обиходе есть звуки, кото-

рые улавливаются человеческим ухом, а есть такие, которые существуют в диапазоне, доступном только им. Из тех звуков, что мы слышим, ученые, зоологи, морфологи — по аналогии с человеческими — выделяют сообщения о боли, тоске (когда выть хочется), радости и призыве куда-то. Несмотря на их общность, принадлежность к тому или иному эмоциональному фону, каждая особь в стае может выражать эти чувства по-разному. Допустим, матерый обладает чаще всего густым мощным басом, но при этом бывают и гнусавые. Чаще всего вожак показывает своим воем, что территория занята, это наша земля. Волчице присуща более высокая тональность, иногда переходящая в поскуливание и взвизгивание. Это такие прикосновения, материнская нежность. Переярки воют еще на тон выше матери, который едва ли не фальцет, дающий временами петуха. Прибылые, щенки, не воют, только скулят и тявкают. Кроме воя, существует и другой набор всевозможных звуков. Такие, например, как клацанье зубами, рык. В 70-е годы мы с моим аспирантом из Германии заметили, что волчица умеет издавать такой фыркающий звук. Тут же, буквально через секунду, все щенки будто сквозь землю проваливались. Пронаблюдав это в нескольких семьях, мы поняли, что это врожденный звук опасности. Волчат ему никто не учил.

— А бывает ли у них что-то вроде вече, собрания, где они сидят и решают, как лучше свергнуть вожака из соседствующий с ними стаи? Или, например, как загнать лося?

— Что касается охоты, добывания пропитания, здесь вообще много непонятного. Какими сигналами они руководствуются, когда гонят животное. Как распределяют обязанности, кому идти в хвост, а кому обходить по периметру и становиться так, на номера, чтобы затем повиснуть мощными челюстями на боках, вцепиться в пах.

Или вот, например, родители, когда подзывают щенят к добыче на большом расстоянии, воем объясняют, как идти. Есть вой собирания в стаю. Вот матерый вернулся, а у логова никого не обнаружил. Он может такую тоску навести — мурашки по спине. Бывает коллективный вой — вещь вообще посильнее любого цыганского хора будет. Одновременно и в ужас бросает, и в восторг. Зачастую тем воем они сообщают: мы здесь, мы никуда не уйдем.

— Чем руководствуются волки, когда воют на луну?

— Ничем. Волки на луну не воют, как принято считать, просто полнолуние вызывает прилив различных эмоций. Вообще же, зверь этот, когда воет, всегда запрокидывает голову. И люди, увидев это, возможно, при свете луны, сложили такую легенду.

— Вы наблюдали бесчисленное количество стай, существуют ли звуковые особенности у этого зверя в зависимости от его географического места проживания? Проще говоря, сможет ли мордовский волк, заблудившись в нижегородской области, по далекому вою определить: наши?

— Да, как я уже говорил, есть у большинства вожаков

свои, индивидуальные ключи, «портретные характеристики». Но кроме того, существуют и различные диалекты. Мой друг, обитающий в Грузии, Ясон Бадридзе, утверждает, что кахетинский волк вряд ли поймет волка из Западной Грузии. Однажды он поехал к своему коллеге в Канаду. Начал, говорит, «вабить», развернулся, завитушки пустил — и вообще наплевали на него волки. А коллега просто кларнетом так «у-у-у» — и все, волки с ума сошли, заголосили. Я без ложной скромности скажу, что умею «вабить» классно. Но у меня больше среднерусский волк получается, протяжный, с перепадами. Годы тренировок.

— В таком случае, как же волчатники умудряются так за просто подделать? Вряд ли там речь может идти о годах учебы?

— Тут другое. У волка и многих других млекопитающих есть два периода, когда они очень мотивированы на отклик. Даже самая грубая имитация звука заставляет зверя нестись куда-то сломя шею. Первый период наступает в августе: животные осваивают территории, обучают детей жизни, здесь волчье — своего не отдам. Второй — это брачный период (у волка в феврале-марте, у оленя в сентябре-октябре). Уровень тестостерона зашкаливает до такой степени, что животное покупается, если даже будешь дуть в горлышко бутылки. Как влюбленный человек, оно способно на любое безумие. Даже тепловоз вдалеке прокричал — олень и рванул, вздымая листву, навстречу сопернику.

— За годы поездок у вас, вероятно, скопилась весьма обширная фонотека волчьих и прочих звуков.

— Да, за это время информации на различных носителях скопилось столько, что на самосвале не увезти, — улыбается он. Начинали мы еще на таких катушечных магнитофонах под названием «Репортер-3», сооруженных на каком-то из оборонных предприятий Нижнего Новгорода. Я единственный, кто сохранил это все в коробочках. Сейчас все это богатство хранится на зоофаке МГУ. Некоторое время назад моя бывшая ученица Наталья Нестерова предложила с помощью своего мужа, работника Дарвиновского музея, оцифровать их. Пять лет с периодическими отлучками в экспедиции мы этим занимаемся.

— А есть ли что-то вроде словаря?

— Что-то вроде есть. Медленно, по крупницам, отбрасывая выдумки от фактов, данные копятя. Я же не один этим занимаюсь. Сегодня появилось много аппаратуры, программ, которые более углубленно позволяют изучить кодированные звуки млекопитающих. Но мы все прикоснулись пока только к верхушке.

Ветки яблонь на фоне вечернего неба

Мы ехали, и вечернее солнце играло за обочиной в трёхлитровых банках, стоящих у ног берёз. Берёзы, будто тетки на рынке, за бесценок отдавали свои слёзы.

— Ну и зачем столько? — недоумевала мелкая. — Кто выпьет? Только болячек деревьям наделали.

И так много было в словах её жалости к этому простору, быть может, чересчур правильного, навязанного когда-то взрослыми в формулировке «так надо». А в голове моей всё равно стучало: не зря все, блин. Не зря. И эти походы в лес, и сайты с жуками-богомолами-лисами. И полный портфель листьев, набранный по дороге из школы. И притаскивание в телефоне изображения старенькой велосипедной звездочки, которая вся в паутине «ну ты же любишь такое?»

В лесном прогале свернули с трассы, заглушили мотор. Дорога, вильнув, уходила в перелесок через поле. Барышня ринулась собирать на просёлке дождевых червяков, которых так много после дневного дождя. Прodelывала в пашне для них дырочки и засовывала «иди домой, иди». И такой вокруг запах стоял земли и неба... Всхлип после плача — вот какой был в тот момент мир.

А вечером жгли в саду костёр. Дым пьяненький, наглова-

тенький — «ну, ладно, чё ты» — вился вокруг извилистых станов, зазывал фруктовые деревья на вальсы. Вышибал у старых вишен слезу. И ни одна груша ему не отказывала.

Мелкая поджигала кончик прута, и махала им, высекала из воздуха хлёсткое, поддерживая огонёк.

— Эх, и нравится мне вот такой звук!

Все дружно ругали её: в глаз попадёшь, за шиворот уронишь. А она всё равно.

Уже и угли осоловело подёрнулись, стали задрёмывать. А мы все сидели и сидели с тёплыми лицами, говорили. И в простых словах тех, которые, в общем-то, ни о чём, был и другой, вполне себе ясный, посыл: «Как хорошо, что мы есть друг у друга. И как здорово жить на свете».

Вернулся с добычи скворец. Нырнул в дырку, разгрузился. Сел на ветку и стал думать, что он лягушачий хор. Потом поперхнулся, осекся, и немедленно вжился в роль удалого соловья.

Прямо в рай

А в начале апреля наступят драгоценные ночи в деревне. Все до одной. Когда затопил печки. Размял в пальцах сигарету, вышел на внутреннее крыльцо, что ведет в сад. А над крышей стая гусей, летят — переговариваются. А потом весь клин становится виден — в зеленоватой полоске от ушедшего часа четыре назад солнца.

Из лощины за садом — запахи талой воды и трав прошлогодних. Такие тонкие, едва ощущаемые, как детство. С далекого поля протрубит журавль и резко умолкнет, как будто кто-то из старших «тихо ты, люди же спят» отвесит ему подзатыльник. И станет слышно, как с ветки березы, что у крыльца, капает. Как весело звенит внизу, где трава покрыта крупинками заморозка, вода в ручье.

— Пролетели как прямо в рай. Хоть беги за ними, — говорит мне из темноты голос.

— Блин! Коля! — говорю я, чувствуя, как от неожиданности по спине щиплют мурашки.

— А я смотрю от реки огонёк разгорается и гаснет. Разгорается и гаснет. Думал, уж светляки, — появляется с огородов Коля Пушкин. Хотя никакой он теперь и не Пушкин. Сбрил бакенбарды. И осталось в деревне у него одно только прозвище — Дьявол.

— Ты чего тут? — спрашиваю.

— Чо, ё-мае, чо. По делам иду, — говорит он немного в нос.

— В полпервого ночи?

— Ну, да..., говорю ж те, думал, светляки прилетели.

Так и не сказал, ушлый, чем он ночью у протоки мается. Попросил сигарету и так смешно курил, не вдыхая в себя, выпуская струю в налитанное предчувствием скорого ежегодного праздника небо. Так значительно молчал при этом, будто с неба должен был упасть камень. С запиской о том, как жить и что делать.

След велосипедных шин. Этюд

Просёлочные дороги — это очень волшебная субстанция.

Их можно двигать, но они десятилетиями на одних и тех же местах. Потому что прокладывались тоже десятилетиями, и вот эта кошеляющаяся кривая — самый прямой путь. Попробуешь срезать — проплутаешь бестолку, морду себе непроходимыми ветками в ручьях обдерёшь, увязнешь, и в который раз убедишься, что никакое татаро-монгольское иго давно уже здесь невозможно.

А потом вернёшься туда же, откуда ушёл или уехал.

Рассказать эти дороги, толком объяснить (куда и какая из них ведёт) зачастую не может ни один абориген. Чего-то начнет про бакалдины, повёртки, рукава, лощины, калды, и обязательно уведёт в другую совсем степь.... Чего уж тут на «Гугл» пенять.

Существует мнение, если все эти грунтовки знать — можно по ним, не выезжая на шоссе, доехать, скажем, до штата Гонолулу и даже обратно. Но нам туда не надо.

Сейчас проселки укатали. Они блестят. На закате или при луне. Это очень красиво.

Путешествовал по этим красивым дорогам и я. На велосипеде. Без цели. Совершенно один. И был при этом дико счастлив.

«В пятницу легко любить жизнь, — говорил как-то мне

один прекрасный алкоголик со степенью доктора наук. — А знаешь почему? Правильно! Потому что впереди суббота и воскресенье».

У меня же вообще пока была среда и впереди все выходные.

Я ездил по этим дорогам, и спугивал в озерах цапель, они взлетали над гладью, а капли с их ног падали, оставляя маленькие круги. По лощинам и долинам бешено цвели сирени и вишни, а в них копошились и щёлкали уже соловьи. Как всё быстро наступает и проходит... Сначала я думал, что рано, и вообще с какой это стати здесь соловьи? А с такой. Соловьи живут, где хотят, как дух святой.

За целый день пути по этим просёлкам я не встретил ни единого человека!

Разве это не счастье? Конечно же, счастье.

Но к вечеру я все же купился на извилистые, отмеченные крохотной травой-муравой, следы. Деревню прошивали лучи закатного солнца, на высоких пиках висели скворечники. Я заехал со стороны огородов, и узрел через кусты зацветающих яблонь чью-то голову. Немного подождал, вдруг человек сел покакать, а тут я. Но голова как-то странно кивала, человек говорил с кем-то по телефону, никто же не станет говорить по телефону когда справляет нужду? И стало видно, что у сарая он сидит не на корточках, а на скамейке, почти вросшей в землю.

Это был трезвый и очень красивый мужик. Уши его были

так оттопырены, что, наверное, на него вообще никто и никогда не мог разозлиться. Рукава голубой рубахи засучены, на запястье наколка.

Я спросил дорогу к заброшенной деревне, куда, если получится, планировал заехать. Мужик дорогу не знал. Посоветовал добраться до конца селенья, и спросить там у Кутеповых.

В деревне пахло свежестью, как будто после дождя. Это из-за вечера и множества разных деревьев. На велосипедные мои покрышки то и дело налипали и, крутанувшись, отлетали мохнатые сережки-гусеницы то ли осин, то ли тополя.

На крыльце, сделанным домиком, сидели три дяди.

Приблизившись, я увидел, что у каждого из них по фингалу. И не просто по фингалу, а по фингалу аккуратно под каждым глазом. Словно нарисованные.

— Здравсти, — сказал я.

Пёс отвел в сторону глаза и зарычал.

— Ничё се, — сказал один из типов. — Американский? — он смотрел на мой велик.

— Ну, — так небрежно решил построить я разговор, чтоб не показаться сразу добрым.

— Ход легкий, наверно? — не унимался тот.

— Да уж не тяжелый, — дерзил я. — Особенно с горы. В Бекетовку как проехать?

— А чёрт знает, — сразу свалил с себя ответственность мужик.

— Куда? — спросил вышедший на крыльцо дядя. Синяк у него был только под одним глазом, я сразу подумал, что он главный: сумел же увернуться и не получить под второй.

Повторил.

— А-а, в БекЕтовку, — просто он поменял ударение и для него всё изменилось. — Километров семь отсюда. Щас выезжаешь и...

— А я надеялся, ты в Кочетовку, сказал тот, который до-рогу не знал, к Евгеше. Он мне косарь должен.

Я вытащил из рюкзака остатки воды, попросил разрешения наполнить баллон в колодце. Попросить воды на просторах родины- это такой всегда располагающий ход. Правда, только в деревне.

Я попил. Фотографироваться роскошные мужчины наотрез отказались.

Зато поведали, что они четыре брата. Живут в райцентрах. И каждый год на майские приезжают или пешком приходят сюда, в родительский дом. Выпивают, конечно. А потом рожи друг дружке квасят. Не из-за чего. Просто из-за мерзости жизни. А после опять, обнимутся, картошку сажают.

Заскрипел коростель. Мимо меня прошла кошка, в зубах у нее, как кляп, торчала мышь. Подойдя к одному из мужиков, она положила мышь под ему ноги, та не двигалась, кошка поддела её лапой и подбросила, мышь шлепнулась, дохлая.

— Хрен теперь заведёшь, да? — на полном серьёзе сказал дядя кошке.

Я поехал дальше. Нырлял в лощины, где пахло болотной травой и сыростью, поднимался на вершины холмов. И на одном из них остановился. Сел на поваленную ветлу. В голове лениво, не доходя до словесных конструкций, копошились мысли. Над головой висел Ковш.

И комаров ещё совсем не было.

Девочка и птицы

В троллейбусе толстая тётка с зубом из металла типа «нерж.» сообщила, что если в небе вдруг какнет птица, и угодит этим добром в человека, то человек может смело готовиться к счастью, ну или к деньгам.

Маленькая девочка Алина, которая, само собой, считала себя взрослой, потому что «мне скоро семь», подвергла это тёткино утверждение глумливому сомнению.

— Хм, — сказала она.

И отвернулась. Просто однажды Алина видела такую картину. Но дяденька с испачканной лысиной, не вскочил на носочки, не кинулся танцевать лезгинку, он просто зашипел, а потом сказал такие слова, от которых вообще-то на губах вылезают страшные болячки. И чешутся.

Вечером, когда мама отпустила Алину с мячом погулять, она целых три минуты сидела на скамейке во дворе под берёзой, где склочничали, валтузили друг друга воробьи, болтала ногами, но счастья своего так и не дождалась. Не было даже посылы.

Тогда она взяла мяч и поскакала, напевая себе под нос «сон-ца луч». Как раз на солнце, с торца дома, в шикарной луже копошились, макались в лужу, и даже целовались радужные такие голуби. Алина подошла поближе, немного постояла, подумала, и как прыгнет прямо в серединку водоёма.

Голуби затрещали крыльями, будто ломились по валежнику, взмыли в небеса, глазам стало больно. И девочка дальше помчалась играть в мяч.

А после произошло вот что.

Голуби, совершив круг над районом, спустились на стройку. Там, у вагончика с двускатной крышей, начальник СМУ, у которого пальцы никак не хотели укладываться в простую пролетарскую ладонь, плясали вразнобой, с жаром распекал понурых каменщиков. Вдруг один голубь свесил гузку, прицеливаясь, а смелый рабочий ему подсобил, взял крупного начальника под локоток и, будто собираясь ему что-то сообщить, подвел прямо под «бомболюк». Всё получилось красиво. Начальник впал в ещё большее бешенство, стряхнул какашку, взял камень, запулил, однако промазал, обломок кирпича перелетел через крышу, и упал прямо в «лоб» его козырному автомобилю. И это было точно к деньгам.

А голуби — да, улетели.

По городу шёл человек. Он мучительно пытался бросить курить. Уже второй день. Поэтому с утра совал в пачку только две сигаретки. Оставалась одна, и как только он её вынул, предвкушая, самый ушлый голубь прицелился, и виртуозно, прямо на кончик сигареты, попал. Сначала человек хотел психануть, удавить себя галстуком от такой жизни, но, поразмыслив, выкинул и пачку и сигарету в урну. Перепрыгнул через лужу, потом ещё через одну. Ему дико это понравилось, и человек решил с того момента только так и ходить.

Голуби сделали ещё петлю.

Внизу брела парочка. Он что-то бубнил ей равнодушно. А она была огорчительна.

— Почему ты не веришь мне? Хочешь, чтобы небеса раз-
верзлись, — произнесла и развела руки ладонями вверх. Тотчас беленькое и жидкое упало ей в ладонь. Двое внизу долго хохотали, называли это чудесами, которые, как и любовь, приходят порой в не очень-то приглядом виде. Но главное же, происходят. Значит, дальше движется мир. Он что-то ещё говорил шёпотом, прижав лицо её к своей груди, и целовал в макушку.

Вернулись голуби во двор. А там нестабильный алкоголик Викторыч. Расхлебенил окошко в мир, щурится от дыма папироски, наблюдает, как Алина скачет с мячиком, и некий бродячий котенок с ней.

— Хорошо-то как, — потянулся Викторыч после употреблённого.

Свалившуюся неожиданно бутылку от успешного ремонта соседской «Тойоты», Викторыч смаковал, растягивал. Он вдруг вспомнил, что в кармане его штормовки есть две конфетки. Но пока искал их среди множества ключей от прошлой жизни (которые зачем-то всё равно носил с собой), мама позвала Алину домой. Не сбавляя темпа попрыгушек, заданного мячом, девочка умчалась в подъезд.

В этот момент Викторыч подошёл к окошку и крикнул:

— Алинушка, лови! От крика птицы снова обрушились

с крыши. Шествующая по двору женщина, закрыла голову руками, опасаясь за свою широкополую шляпу. Но голуби на этот раз пошутили.

— Это мне? — подняла конфеты, а потом глаза дама.

— А вы Алина, что ли? — вперился в неё глазами Викторыч.

— А что? Непохожа? — приняла вызов дама.

— Чё это? Еще как похожа, одно лицо. Это, конечно, прозвучит как хамство: но, может, заскочите, отведаете со мною рюмашку? Я без намёков, алкоголь как средство для поэтического общения.

— В другой раз, — улыбнулась она.

Викторыч отошёл. В проёме окошка небо было чистое и синее, будто глаза только что родившегося котёнка, и что-то там пело, чья-то, видимо, радующаяся за него, дурака, душа. Он блаженно опять потянулся. С завтрашнего дня он собирался бросить вообще выпивать.

И лето, лето ведь только начиналось.

Пасторальная история

Однажды я научился доить корову.

Естественно, в будущем я не собирался связывать с этим всю свою жизнь. Как не собирался связывать её с искусством повара, с работой каменщика, электрика, гробовщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.